

Михаил ОВЧИННИКОВ: «Сохранить консерваторию до лучших времен»

Муз. обозрение. — 1999 — № 10 — с. 5
14 сентября ректору Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского Михаилу Овчинникову исполнилось 50 лет. Поздравив руководителя ведущего музыкального вуза страны, мы решили побеседовать с ним на не совсем юбилейные темы. Не секрет, что сегодня общие проблемы в области профессионального музыкального образования огромны. Как справляется с ними Московская консерватория? Чем живет она? Об этом говорит Михаил Овчинников.

— Михаил Алексеевич, в одном из своих выступлений два года назад Вы рассказали любопытную историю. На одной из «встреч в верхах» тогдашний министр финансов сказал: «Да, денег на культуру нет. Ничего страшного, сейчас разрушим — потом построим». А ведь имелись в виду учреждения культуры, создававшиеся веками. Как Вам кажется, изменилось ли сегодня отношение государства к культуре?

— Только на словах. А на деле идет и набирает силу процесс разрушения культуры. Вот и у консерватории — полное отсутствие финансирования, даются только мизерные зарплаты. Остальное — наши проблемы. А ведь тут и лампочки горят. И эти расходы — не за счет правительства. Министерство культуры не дает нам денег даже на стулья!

Для того, чтобы консерватория могла нормально функционировать, нужно несколько десятков миллионов долларов. А сейчас мы лаедем дыры, чтобы не протекала крыша. Живем за счет того, что сделал в свое время Василий Ильич Сафонов.

— Когда был последний капитальный ремонт в консерватории?

— Реставрации не было никогда. Правда, ремонт был, еще в советские времена. И проводил его Владимир Карпович Частных [ныне — президент Ассоциации фортепианных мастеров России. — Прим. ред.]. Конечно, тогда еще было государственное финансирование. Но Частных сумел отремонтировать два корпуса (где находятся Малый и Белый залы), поменял все стропила, которые сгнили и грозили обвалиться... И за это ему много поклониться в ноги. Если бы в 70-е годы не было этого ремонта, сейчас мы вынуждены были бы вообще закрыть консерваторию.

Самая главная наша задача — не растратить, не распродать. Один банк предлагал: сдайте нам в аренду Белый зал, а мы вам всю консерваторию преобразим.

Потихоньку ремонтируем Малый зал, некоторые помещения Большого. Государство не выделило ни копейки, и слова «объект национального достояния» вообще надо забыть.

— Какова сейчас зарплата педагога консерватории?

— Две тысячи рублей с небольшим — 2.200, 2.300, 2.500 — в зависимости от ученых степеней и званий. И это потому, что мы получаем 50-процентную правительственную надбавку, поскольку именуемся объектом национального достояния (кстати, это единственная польза от этого названия). А, например, зарплата профессора Российской Академии музыки имени Гнесиных составляет около 800 рублей.

Многие педагоги нашли форму существования, при которой они имеют возможность ездить за границу, зарабатывать. И это нельзя не поощрять, поскольку прожить на одну зарплату невозможно.

— А как решаются финансовые проблемы не отдельно взятых педагогов, а консерватории в целом?

— К слову, никакой финансовой проблемы нет. Просто нет финансирования. У нас лишь два источника, дающих возможность существовать: это сдача в аренду Большого зала и обучение иностранных студентов. Их у нас двести с лишним человек, каждый платит по 7.000 долларов в год. Конечно, этого мало...

— Вы не думали сделать обучение платным для всех?

— Я — противник платного обучения. Считаю, что в силу сложившихся традиций и обстоятельств государство в ближайшие годы даже думать об этом не должно. Практика показывает, что там, где вводится платное обучение, снижается уровень подготовки. Например, в университете есть два юридических факультета — платный и бесплатный. Качество подготовки специалистов разительно отличается, и, естественно, не в пользу платного. А вообще-то я — сторонник немецкой системы образования [плата за обучение в немецких Высших школах музыки — символическая, от 50 до 100 DM за семестр. — Прим. ред.].

— Вы возглавляете консерваторию уже семь лет. Как Вы формулируете для себя свою главную задачу?

— Главная наша задача — сохранить консерваторию до лучших времен хотя бы в том состоянии, в котором она сейчас находится. Очень хочется не опуститься ниже ватерлинии, хотя обстоятельства этому способствуют. Пока мы существуем как саморазвивающееся учебное заведение — со своими традициями, проблемами, поисками. Необходимо сохранить этот уровень и способность к прогрессу до поры духовного и экономического подъема России. Глупо

надеяться, что в консерватории будет происходить какой-то невероятный рост, когда в стране все «падает».

Я всем говорю: проблемы консерватории — это кристалльное отражение проблем государства.

Как ректор и человек я далек от мысли, что могу что-то кардинально изменить. По убеждениям я консерватор, стремлюсь к тому, чтобы сохранить. Кажется, мне это удастся.

— А как можно устроиться на работу в консерваторию?

— Мне часто задают вопрос: могут ли преподавать в Московской консерватории опытные музыканты, но не имеющие к ней никакого отношения? Как правило — может быть, к сожалению, — у нас работают наши же выпускники, которые в свое время учились в ассистентуре-стажировке. В редчайших исключениях — выпускники Гнесинки (например, Юрий Рагс и Евгений Назайкинский). Но вообще консерватория — это большая семья, и в этом есть и достоинства, и недостатки.

Недостатки связаны с вероятностью «геноцида». Но ведь в консерваторию приезжают учиться люди со всей страны. Поэтому обновление такого рода существует, — возьмите хотя бы Павла Нерсисяна, Максима Федотова, наконец, меня: я из Твери. Часто к нам и не хотят идти люди, у которых была «другая почва».

Не думаю, что у нас атмосфера может быть недоброжелательной, это не так. Но, конечно, музыкантов «со стороны» привлекать не обязательно.

— Есть музыканты, которых Вы никогда не хотели бы видеть среди преподавателей?

— Это — бездарные музыканты. Считаю, что к работе, прежде всего, нужно привлекать хорошего профессионала, даже если он мне чисто по-человечески неприятен. Если он приносит пользу делу, надо закрыть глаза на его характер.

— Возможно ли уволить педагога?

— Ни педагога, ни профессора уволить невозможно, — если он не совершил уголовное преступление. Педагога избирает Совет на пять лет, потом можно снова выдвинуть свою кандидатуру, и если Совет ее поддержит, работа продолжается.

Сложнее дело обстоит с контрактами — мы опять выходим на тему, связанную с государством и его законами, которые противоречат друг другу. Так, Закон об образовании предполагает возможность заключения контракта — и мы это делаем (например, у нас контракт с Николаем Петровым), — а КЗОТ контрактную систему отвергает. Люди, желающие отстаивать свои интересы, сообразуясь с Законом об образовании, в суде могут проиграть дело, потому что они оказываются не правы по КЗОТУ, и наоборот. Я заключаю контракты, а в Министерстве образования мне говорят, что я не имею на это права.

Поэтому старая система — система выборов — более надежна, ее воспринимают более позитивно. Мы «убиваем двух зайцев»: избираем профессора и заключаем с ним контракт. Кстати, во всем мире положение профессуры очень прочное, гораздо прочнее, чем, скажем, у оркестрантов. Система избрания намертво гарантирует существование человека в данной должности на определенный период.

— В последние годы «вошло в моду» открывать музыкальные вузы чуть ли не в каждом областном центре, можно даже поиронизировать — делать высшее музыкальное образование «массовым». Как Вы относитесь к этому процессу?

— Резко отрицательно. Я — сопредседатель методического объединения при Министерстве культуры и выступаю против расширения цепи высших музыкальных учебных заведений в стране. С другой стороны, конечно же, отдаю себе отчет в том, что нужно пойти на компромисс: в условиях, когда у людей нет денег даже на билет, чтобы приехать учиться в Москву или другой консерваторский город, придется согласиться с существованием в регионе еще одного музыкального вуза.

— Но, в таком случае, должна существовать определенная иерархия музыкальных вузов. Вряд ли возможно «уравнять» дипломы любой из консерваторий — Москвы, Петербурга, Новосибирска, Саратова — и новоиспеченных вузов?

— Давать не будем говорить об уровне. Есть название, есть право преподавать, лицензия. А государственного отношения ни к одной проблеме вообще не существует, потому что нет базовых определенных принципов и критериев. Политики не проводят никакой — ни плохой, ни хорошей. Для настоящих российских консерваторий самое главное сейчас — самосохраниться.

— Вы знаете, как сейчас живут ваши студенты? Знаете, сколько стоит написать задачку по полифонии, сколько — курсовую работу?

— Этого не знаю. Я никогда никому не платил. И мой сын не платит, я ему денег не даю. Он учится в консерватории, ходит на занятия, сдает «хвосты», и я ничего не прошу у педагогов.

— Существует, на наш взгляд, еще одна проблема: студент, учась в консерватории, не приспособлен к дальнейшей реальной жизни. А если и приспособляется, то вне вуза.

— Я думаю, это происходит у всех по-разному. Есть люди, которые карьеру делают в консерватории.

— Да, но таких — меньшинство. По существу, у молодого человека практически нет выбора: он может пойти либо в педагогику, либо заниматься научной деятельностью. Этому его научили преподаватели, которых, в свою очередь, учили тому же самому. Есть, конечно, возможность попробовать себя в области музыкальной журналистики, но серьезной ориентации в этой профессии консерватория не дает. Наверное, в такой ситуации нужно пригласить людей смежных профессий, не «зашоренных» на двух-трех вариантах деятельности.

— У нас существует гуманитарный центр, и там довольно широкий выбор специализаций для музыковедов. Но что интересно: несмотря на то, что в этом центре преподавали очень известные люди, которые могли бы помочь выбрать профессию, это не прижилось! В конечном итоге откристаллизовались только предметы музыковедческой направленности. Консерватория не дает «расползтись» и все-таки сужает круг, как мы ни стараемся его расширить.

— Что-нибудь сильно устарело в консерваторском образовании?

— Все нововведения связаны с профессией музыковеда. Здесь очень широкое поле для экспериментов. Я — не сторонник решительных мер. Конечно, Московская консерватория 70—80-х годов — не консерватория 1999, это небо и земля. В то время нигде в мире не было такого учебного заведения. А теперь оно стало просто очень хорошим. И это тоже нормально: цивилизации рушатся, а не только вузы.

Я думаю, что исполнительские факультеты совершенствовать не нужно, хотя в их работе — масса недостатков. Но их не надо трогать, чтобы окончательно не испортить. А вот изучение гармонии у музыковедов и композиторов необходимо менять: если изменилась сама музыка и технологический процесс, нужно скорректировать изучение. Кое-что мы уже делаем.

— Что появилось в консерватории за последние несколько лет?

— Недавно учредили экспериментальный факультет, который возглавил Алексей Любимов. В консерватории о себе заявила аутентичная музыка. Сначала многие были против, потому что не хотели так работать. Но ведь можно действовать параллельно! Ничего не надо вытеснять — то, что станет ненужным, отомрет само собой, особенно в условиях творческого вуза.

Создан новый концертующий оркестр — оркестр Большого зала консерватории. Образовано отделение аспирантуры, специализирующееся на проблемах современной музыки, — там есть свой хор и оркестр.

Два года назад появились семь новых роялей «Kawai». С Конкурса имени Чайковского нам удалось оставить два рояля «Steinway».

Большие планы связаны с отделом звукозаписи. Консерватория обладает огромными архивами (например, Ойстрах, Гилельс делали записи в методических целях). Мы уже кое-что издали, а постепенно выпустим все. Наш отдел оснащен современной японской техникой, нам помогают фонды Сороса и Форда. Да все есть, у нас огромный стартовый капитал. Но совершенно нет возможности его раскрывать и развивать, поэтому мы сажаем пока маленькие деревья, которые должны вырасти после нас.

Я верю в консерваторию и знаю, что впереди у нее — лучшие времена. Моя задача — передать ее тем, кто будет работать в иных условиях. У них будет замечательная жизнь. Нестабильность жизни, склоки во власти, неуверенность в завтрашнем дне — все это заражает. Но мне кажется, что в консерватории — относительно здоровая обстановка, атмосфера остается творческой. Студенты готовятся к конкурсам, выступают на различных конференциях... Сейчас все это — успех коллектива. А что было бы в нормальных условиях!...

— Как строится обычный день из жизни ректора?

— Я просыпаюсь рано, около семи часов. В консерваторию прихожу около 10 утра, работаю над текущими делами, документами и т.д. С 13.00 — прием проректоров, заведующих кафедрами. Полдня занимаюсь хозяйственными вопросами. В Правительство вызывают каждую неделю. В поездках посещаю учебные заведения, ищу спонсорские средства: вот буквально месяц назад фирма «Yamaha» подарила нам концертный рояль.

Еще я веду кафедру теории и истории исполнительского искусства, преподаю. Часов у меня немного — 260 в год. Читаю лекции для аспирантов, по две в неделю. Свободного времени совершенно нет.

Беседу вел Марина БРОКАНОВА

М. Овчинников (род. 1949) — профессор, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств России. Окончил Московскую консерваторию и ассистенту-стажировку по классу фортепиано у проф. В. Натансона. Работал в Министерстве культуры СССР, был главным редактором издательства «Музыка». Преподавать начал с 1985. В 1992 коллектив Московской консерватории избрал М. Овчинникова (тогда — проректора по научной работе) ректором. Автор более 60 публикаций, книг «Русская музыкальная критика и фортепианное исполнительство XIX века» и о русском классическом романсе.